

Свидание в госпитале

При выписке из госпиталя моряк попросил адрес Евдокии — отказать она не смогла

НЕ МОГЛА УДЕРЖАТЬСЯ, чтобы не написать вам, увидев в одном из номеров «ММ» фотографию педучилища, что располагалось на левом берегу — в Великую Отечественную здесь располагался госпиталь. Воспоминания военных лет пронесли для меня мгновенно, словно это было вчера.

В 1942 году я поступила в музыкальное училище. Шла война, городские школы заполнялись ранеными. Наш директор Семен Эйдинов предложил руководителю народных инструментов организовать оркестр из студентов, кто хоть немного владел игрой на домре, для шефских выступлений в военных госпиталях. В число оркестрантов попала и я. Прошло всего несколько репетиций, и мы, скороспелые музыканты, по разнарядке попали именно в этот госпиталь, снимок я случайно увидела в газете. В оркестре из девчонок я была одна. Встреча с ранеными произвела на меня ошеломляющее впечатление: я впервые видела искалеченных людей. Спазмы сдавливали горло, я опускала глаза, чтобы никто не видел, как сдерживаю слезы.

Концерт прошел, как нам тогда казалось, с успехом: бойцы просили, чтобы мы чаще выступали в госпитале или просто навещали. После к нам подошла медсестра и попросила выступить в палате тяжелооболбанного — по его просьбе. Только одно но: весь оркестр в палату не уместится. Посовещавшись, решили: найти гитару и отправить меня. Войдя в палату, увидела очень бледного изнеможенного бойца. Растерялась. Поздоровавшись, спросила, что вам спеть? «Пойте все, что знаете!» — ответил он. У дверей — сколько могло уместиться — толпились другие больные. Запела, что первое пришло в голову: «Уезжал моряк из дома...» Позже узнала, что мой новый знакомец был моряк-подводник.

Пела около часа, а меня просили: «Еще!» — но мне надо было с оркестром выступать в другом месте. Раненый на прощание представился Алексеем и попросил принести какую-нибудь художественную литературу, сетуя на то, что в госпитале практически нет книг.

Коллаж Марина Николаева

Врачи сказали, что Алексей лежит в палате смертников и надежды на поправку нет. Его донором была жена главного инженера ММК. Но он все-таки выиграл схватку со смертью и вновь отправился на фронт. При выписке Алек-

сированный с Украины, где, вскоре освоившись, занялась общественными делами и была избрана секретарем комитета комсомола заводоуправления. А Алексей периодически писал письма и высылал фотографии.

Известие о Победе всколыхнуло весь город: народ бежал на Комсомольскую площадь, где все друг друга поздравляли, обнимались и целовались — так долго ждали этого дня. Надо было видеть, как блеснули глаза от слез у работников, которые мыслями были уже дома — на Украине.

Позже руководство завода собралось у директора. Я в это время зашла к секретарю. Увидев меня, начальство пригласило зайти. И, как бы шутя, сказала: «А мы вот решили вам предложить учиться в Днепропетровском музыкальном училище».

Для меня это было, как гром среди ясного неба, только и могла вымолвить: «Я не знаю города, да и где буду жить?» В общем, успокоили меня, обещали все устроить. Я написала запрос в училище, и через месяц мне прислали приглашение. В августе сорок пятого уехала.

С жилищем помогли как и обещали, жаль только, что вновь пришлось учиться на втором курсе. Однажды, где-то в ноябре меня вызвали в отдел милиции и сообщили, что меня разыскивает Алексей Шаров, который сейчас проходит службу в Кронштадте. Мне вручили его адрес, и мы вновь стали переписываться.

Летом следующего года я вернулась из пионерского лагеря, где была вожатой, меня ожидал сюрприз. В училище сказали, что ко мне приехал брат-моряк и ждет на улице. Я опешила: брат погиб да и не был он ни-

когда моряком. Выйдя с «музыкалки», увидела высокого красавца в моряцкой форме. Это был Алексей. Так состоялась неожиданная для меня встреча.

После свадьбы, в феврале 47-го, мы с Алексеем по моему настоянию приехали в Магнитогорск, хотя у меня здесь, кроме двоюродной сестры, никого и не было. Она-то нас и приютила. Затем мы устроились на работу: Алексей в электротягу ММК, а я в отдел общежития, который обеспечивал нас только комнатой, но и выписал всю утварь для обустройства. В июле у нас родилась дочь. Мы вызвали для ее воспитания мою маму из Узбекистана. Но вскоре мужу она стала помехой, и Алексей поставил мне ультиматум: или он, или мать. Я чувствовала, что ему нужна свобода, семья для него в тягость, все чаще он прикладывался к бутылке. В конце концов я ответила ему, что остаюсь с мамой, так как не допущу, чтобы она скиталась по чужим людям. На что он ответил, что меня обстоятельства заставят поменять свое решение. Позже я поняла, что он имел в виду мою вторую беременность.

Алексей устроился в Челябинске, умолял приехать: каждый раз я отвечала отказом. В конце концов, я получила письмо от незнакомой женщины, где она писала: раз я законная жена Алексея, то следует подать на алименты, так как она живет с ним и очень счастлива. Этого было достаточно, чтобы произошел окончательный разрыв. Я решила воспитывать детей вместе с мамой. Получив развод, теперь уже бывший муж скрывался от алиментов. В судах за укрывательство он постоянно просил простить меня, но сделать этого я не могла.

Слава богу, дети выросли достойными, внимательными и заботливыми. В сорок лет второй раз вышла замуж. К сожалению, четыре года назад муж умер.

Моя дочь в первый класс пошла именно в эту школу, где когда-то лечился ее отец, да и жилье нам дали в бараке неподалеку от нее.

Вот такая история, связанная с этим зданием.

Евдокия ПАНОВА.

Девушку, которая пела ему песни, когда он лежал тяжелооболбанной, боец не забыл

сей попросил мой адрес, отказать я в этом ему не могла.

Шла весна 44-го, я окончила второй курс, но известие о гибели брата, который был в нашей семье за отца, заставило оставить учебу и пойти работать. Надеяться было не на кого: маме шестьдесят пять, а братишка еще маленький. Устроилась на завод «Коммунист», эваку-

Исповедь бывшего двоечника

Сначала награждали отличников, потом была экзекуция

Учителя были разными. Всех помню. Даже как держали журнал: кто под мышкой, кто в руке, кто двумя руками, если не было стопок тетрадей.

Она журнал забывала: «Тяпков, «бегай в учительскую!» Я бежал.

Она вела математику. Сначала удивлялась, ставя мне двойки, потом ставила их легко. Я привык к этому и стал наблюдать за ней. Она была скучна, как ее математика. Скучна скучной прогрессирующей. Потом прогрессия потеряла ход. Все, как всегда, застыло и уткнулось «в ударные будни 8-й пятилетки».

Звали ее Надеждой Николаевной. Ну что за имя? Вот наша «немка» — Виолетта Игнатьевна! У нее и прическа горкой, и сапоги, и «пальто с мехом!» У Надежды пальто было без меха. Коричневое. Шаль еще была. Боты грустные, тоска серая. Вот вела бы она географию! И пальто бы сменяла! Нет. Пальто останется вечным. Как облезлые цвета школы и флага страны на балконе у фронтовика дяди Жоры.

Маленькой она была, незаметной, никому не нужной. А кому, блин, в этом городе нужна математика? И в других городах? Незаметность существования Надежду устраивала. Она ма-

тематически просчитала свою жизнь и тихо ожидала конца. Ветры перемен пронесли мимо, как огоньки в окошке поезда. Но Надежда имела право на надежду! Рыцаря на сивой кобыле ждала. Как спасения! Зря. Рыцарей в стране давно повывели. Как тараканов. Зато бутафорские развелись. Этих тоже можно вывести. Она и такому была рада.

Я ее ненавидел. За четверть вышла двойка. Ко всему этому я влюбился. В одноклассницу. Не ко времени. Любовь не запланируешь. А что в моей долбаной жизни запланируешь? Разве только полочку соседа и его пьяные песни за стеной.

Я их сравнивал: учительку и одноклассницу. Они были одного роста. Вот бы на физкультуре посмотреть? Там они раздевались, визжали и носились с мячом. Математика на физре! Полуголая! Да... Такие мысли бывают только у двоечников.

Моей отдушиной в жизни были голуби. На них можно долго смотреть, как на огонь или рыбок в аквариуме. Я держал голубей на балконе. С ними можно было разговаривать и не делать уроки. Собаку держать мать не разрешила. А я хотел овчарку, чтобы потом уехать

с ней служить на границу нашей Родины.

Голубей пришлось оставить, когда из загнывающего Запада нахлынуло цунами музыки «Битлз». Подкралась смерть к коммунизму. Надо же, и не от Гитлера ведь! Да, вот так живешь и не знаешь, откуда какой напасти ждать...

К ноябрьским праздникам в школьном спортзале была организована торжественная линейка. Начальство и актив принарядились. В белое с черным. Стены обвешали красным. Выступал директор, потом завуч. Награждали «пятерочников» по математической олимпиаде. Потом была экзекуция. Всех двоечников выводили перед строем. Я стоял. Перед любимой девчонкой. Свет померк, надежды рухнули. Лучше бы меня расстреляли!

— Позор двоечникам! Три-четыре: позор! позор! — дирижировала завуч.

Спортзал весело гаркнул: «П о з о р!!!» Кто-то зааплодировал. Мутырзин присвистнул. Самое время было еще и чечетку сбавить! Я готов был провалиться под землю.

— Что вы делаете, Светлана Леонидовна? — возмущалась математичка. — Вы что, дура? Вас казнить мало!

Надежда собрала всех двоечников и вывела из зала: «Идите домой и забудьте про это!»

За ней выбежала завуч:

— Верните детей, немедленно! Хулиганка! И не смей впредь ноги вашей ступать! Как она затесалась... в нашем коллективе?! Кто?! Во-о-о-и!!!

Был большой скандал. Завучиху хватил удар. Надежда Николаевна уволилась. Математику стал преподавать Игорь Анатольевич. Двоек у меня уменьшилось. Одноклассники взаимностью не ответила. Больше влюбляться было не в кого. Жизнь приостановилась. Чего-то не хватало.

Не хватало ее.

А зачем ходить в школу? Деньги я считать умею. Зачем мне теорема Пифагора? Что она мне даст? Правильно. «Хрена с два даст! Догони и еще даст».

Школа — дерьмо? Не могу за глаза говорить. Что-то ведь было незабываемое? Математика, например!

Потом мне никогда не приходилось стоять перед строем. Ведь я даже не ходил в атаку на полях сражений, не проливал кровь в битвах, не орал «ура» в штрафбатах. Никого не успел предать. Никому не выстрелил в спину.

Теперь мне все чаще кажется, что я уже не люблю свою нынешнюю задолбанную Родину... А Надежду Николаевну вспоминаю.

Евгений ТЯПКОВ.